

ГЛАВА 5. РУССКАЯ ФИЛОСОФИЯ КОНЦА XIX – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX В.

5.1. Общая характеристика русской философии

Русская религиозная философия¹³ есть один из **вариантов постклассической философии и оригинальная философская традиция**, сложившаяся в России в конце XIX – начале XX веков. Основоположителем ее был Вл. Соловьев. А.Ф. Лосев практически завершил эту традицию. Между этими великими именами располагается целый ряд русских философов, отличающихся друг от друга как масштабом своих дарований, так и степенью оригинальности учений. Наиболее выдающимися фигурами среди них были Н. Бердяев, С. Булгаков, И. Ильин, Н. Лосский, князья С. и Е. Трубецкие, П. Флоренский, С. Франк и др. Русская философия была подготовлена многовековым опытом духовного развития своего народа. Ее предпосылки можно обнаружить в философах древнерусской литературы, писаниях и преданиях святых отцов, в православной религиозности в целом. Гениальные прозрения ранних славянофилов И. Киреевского и А. Хомякова осветили путь, по которому пошел Вл. Соловьев и его ученики. Глубокое и житнетворное влияние на философские изыскания русских мыслителей оказало творчество Ф. Достоевского, который необычайно расширил творческое пространство отечественной мысли. Он задал не только новую проблематику, но и новый масштаб видения мира и человека.

При этом русская философия появилась не только на основе национальных источников. По сути, она является законной наследницей и очень важным этапом развития европейской фи-

¹³ Термин «русская» означает не этническую или национальную принадлежность философов, а ориентацию их на русскую культуру и лежащую в ее основе христианскую духовную традицию.

лософской мысли. Более того, она может быть адекватно понята только в контексте исторического, культурного и духовного развития европейской цивилизации, степень интеграции с которой у России до революции была очень высокой.

Русская философия возникла в XIX в., когда Россия имела за своими плечами более чем тысячелетнюю историю. Решающим фактором ее возникновения (предопределившим в значительной степени и ее основное содержание) явились реформы Петра I, которые, с одной стороны, придали мощный импульс к модернизации России, ввели ее в когорту Европейских держав в качестве очень мощной политической и военной силы; а с другой стороны, способствовали ломке традиционных культурных ценностей, жизненных устоев и привычного быта.

Русская философия возникает в среде интеллигенции, положение которой в обществе было двусмысленным, поскольку образованностью, ученостью и культурными навыками она походила на правящий класс, а своим порой бесправным положением и уровнем благосостояния фактически примыкала к народным массам. Положение интеллигенции усугублялось и тем обстоятельством, что в народе она воспринималась негативно из-за того, что внешне (по одежде, по владению иностранными языками и т.д.) мало чем отличалась от господствующих классов.

В этой ситуации интеллигенция ощущала себя как бы между молотом государственной (самодержавной) власти и наковальней народного недоверия. Она чувствовала себя изгоем в своей собственной стране, была чужой среди своих. Поэтому именно в среде интеллигенции пробуждаются глубокие и мучительные духовные искания, жажда смысла жизни, а также стремление к философской рефлексии, позволяющей объяснить не только ее положение, но и жизнь в России, и в мире в целом. Эта тенденция привела к величайшему взлету русской художественной литературы и публицистики, и она же в свою очередь стала мощным фактором развития в России науки, техники и искусства. Из этой социокультурной основы возникла и русская религиозная философия.

5.2. Культурное своеобразие русской философии

В качестве характерной и определяющей черты античной философии мы называли **космоцентризм**, средневековой философии – **теоцентризм**, философии Возрождения и Нового времени – **антропоцентризм**. Если с этой точки зрения посмотреть на русскую философию, то она **антропо-тео-космоцентрична**. Подобное утверждение только на первый взгляд кажется нелепым и содержащим в себе роковое противоречие, поскольку центр всегда один. Однако при более глубоком подходе все эти сомнения могут быть отброшены. Русская философия **антропоцентрична** не только потому, что она свое главное внимание уделяет проблеме человека, но и потому, что она и мир познает через человека. «Философия, – писал Н. Бердяев, – и есть внутреннее познание мира через человека, в то время как наука есть внешнее познание мира вне человека»¹⁴.

Теоцентричной русская философия является потому, что «понять человека можно лишь в его отношении к Богу. Нельзя понять человека из того, что ниже его, понять его можно лишь из того, что выше его. Поэтому проблема человека во всей глубине ставилась лишь в религиозном сознании»¹⁵. Главное в человеке, с точки зрения христианской традиции, то, что он есть образ и подобие Божие. Драма человека в его индивидуальном и общественно-историческом существовании заключается именно в его взаимоотношениях с Богом, зависит от того, чего в нем больше: любви к Нему или отчуждения от Него.

Русские философы, вернувшиеся в лоно христианской традиции, стали глубже понимать жизнь. Благодаря этому усилилась прогностическая сила философии. К сожалению, ее голос не был своевременно услышан, и именно Россия пошла по ложному пути, не вняв предостережениям Ф. Достоевского в «Бесах» и «Легенде о Великом Инквизиторе», Вл. Соловьева в «Краткой повести об Анти-Христе», авторов сборника «Вех»,

¹⁴ Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества. – М., 1989. – С. 295.

¹⁵ Бердяев Н. А. О назначении человека. – М., 1993. – С. 55.

которые в 1909 г. с поразительной точностью предсказали, чем может обернуться для судьбы страны увлеченность русской интеллигенции идеей социалистической революции. Таким образом, религиозность русской философии составляет не только ее отличительную черту, но и несомненное достоинство.

Космоцентризм русской философии также имеет антропологические корни, поскольку в ней был заново переосмыслен библейский сюжет о грехопадении человека, повлекшем за собой падшестъ всей природы и космоса. Господь говорит Адаму, нарушившему Его заповедь: «проклята земля за тебя» (Быт. 3; 17). В русской философии (в особенности в творчестве Вл. Соловьева, Н. Федорова – основоположника русского космизма, Н. Бердяева, С. Булгакова, П. Флоренского) глубоко исследуется вопрос об ответственности человека за природу и весь космос. «Самая большая религиозная и нравственная истина, до которой должен дорасти человек, – писал Н. Бердяев, – это – что нельзя спастись индивидуально. Мое спасение предполагает и спасение других, моих близких, всеобщее спасение, спасение всего мира, преображение мира»¹⁶. Согласитесь, насколько актуальна эта установка русской философии в настоящее время, когда перед человечеством чрезвычайно остро встали экологическая и другие глобальные проблемы.

5.3. Русская идея. Основные проблемы русской философии

Одним из основных предметов познания стала для русских философов сама Россия. Проблема судьбы России, философия русской истории и культуры терминологически определилась как «русская идея». Сеем утверждать, что русская идея является одним из основных стержней, которым скрепляются в общую философскую традицию очень разные по своим теоретическим концепциям мыслители.

¹⁶ Бердяев Н. А. О назначении человека. – М., 1993. – С. 357.

По-нашему мнению, русская идея, ставшая одной из центральных проблем русской религиозной философии, никоим образом не придает ей национальной ограниченности и духовного провинциализма. Более того, универсальное значение последней только возрастает.

Универсальность проблематики России и философский характер русской идеи не должны вызывать сомнений. Это связано с ролью и значением России в мировой истории, которые существенно усилились в XX столетии. «Человечество переломилось надвое в теле и духе России. Россия может быть по своей сути мостом между народами, но может быть и пороховым погребом, который находится в слабом месте мирового сообщества. Отсюда необходимость возрастающего внимания к проблемам России, которые, по сути, затрагивают весь мир»¹⁷. К этому следует добавить, что в самом русском народе, в его национальном характере имеются такие тенденции и черты, которые делают его непредсказуемым и в силу этого загадочным. Замечательно точно на эту тему писал Н. Бердяев: «Русский народ есть в высшей степени поляризованный народ, он есть совмещение противоположностей. Им можно очароваться и разочароваться, от него всегда можно ждать неожиданностей, он в высшей степени способен внушать к себе сильную любовь и сильную ненависть. Это народ, вызывающий беспокойство народов Запада»¹⁸.

Конечно, проблема России и русского человека – это общечеловеческая глобальная проблема, лежащая в сфере мировой экономики и политики. Однако она имеет и иные измерения, пожалуй, более значительные для судеб мира и самой России. Ведь русская идея – это отнюдь не вопрос о том, как России добиться материального благополучия и политического могущества, и, если бы это было так, то, действительно, она была бы национально ограниченной и духовно бедной системой воззрений.

¹⁷ Ахиезер А. Россия: критика исторического опыта. – М., 1991. – Т. 2. – С. 375.

¹⁸ Бердяев Н. А. Русская идея // О России и русской философской культуре. – М., 1990. – С. 43–44.

Русская идея зарождалась в последней четверти XIX в., когда появились первые симптомы культурного и духовного кризиса западноевропейской цивилизации. Окончательно же она оформилась в XX столетии, когда этот кризис стал повседневной реальностью, породив две разрушительные мировые войны, ужасы тоталитарных режимов.

В первом интеллектуальном приближении к русской идее она действительно предстает как русская национальная идея, однако более обстоятельное ее изучение обнаруживает в ней подлинно универсальное содержание. Не этим ли объясняется, в частности, тот факт, что проблеме России, ее всевозрастающей духовной миссии уделяли внимание не только отечественные, но и западные мыслители? Подчеркнем, что ими двигал отнюдь не географический или этнографический интерес к России, скорее, их питало огромное тяготение к русской культуре как духовному центру мира. В частности, можно сослаться на имена выдающихся немецких мыслителей – И.Г. Гердера и Ф. Баадера, а также В. Шубарта, писавшего накануне Второй мировой войны: «Можно без преувеличения сказать, что русские имеют самую глубокую по сути и всеобъемлющую национальную идею – идею спасения человечества»¹⁹.

Если говорить по существу, то **русская идея** Вл. Соловьева и философов Серебряного века – это идея того, **как сохранить, преобразить и спасти Россию и русского человека**. Спасти Россию можно только удержав все положительное, что в ней было и есть, преобразовав ее искаженные черты. Выполнить эту задачу невозможно без освобождения от самоубийственных, разрушающих тело, душу и дух России тенденций в самом русском человеке.

При этом русская идея имеет и более глубокие смысловые значения, придающие ей поистине универсальное содержание. **Русская идея** – это еще и специфически **русское видение** и решение фундаментальных вопросов бытия, в этом плане она совпадает с **основной проблематикой русской религиозной**

¹⁹ Шубарт В. Европа и душа Востока. – М., 1997. – С. 194.

философии, ее формой и методами и даже, наконец, ее интеллектуальным пафосом. В связи с таким истолкованием русская идея выступает уже **как идея о сохранении, преобразении и спасении человека** вообще. Причем человек здесь понимается и как индивидуальное существо – личность, и как род – человечество как таковое.

По-видимому, не только у русских наличествуют некоторые самоубийственные тенденции, но и у человека вообще, которому сильно польстили, назвав его человеком разумным (*homo sapiens*). Однако XX век показал, насколько сильны человеческая неразумность, безрассудность и даже безумие, поставившие под сомнение сам факт существования человечества. Поэтому русская идея, понятая во всей значительности и мощи ее духовно-нравственной универсальности, есть предостережение человеку о ложных путях жизнеустройства, губительных для него и всего человечества.

Только глубоко задумавшись о своей личной судьбе, о бренности жизни и сделав практические усилия по наполнению ее глубоким нравственным и духовным содержанием, мы сохраним, преобразим и спасем не только себя, но и народ, которому принадлежим, наконец, и самое человечество. Русскому надо исходить из того, что Россия не вне его, но в нем самом, в духовной глубине его сердца. Только совершенствуя себя, он будет содействовать расцвету России, а процветающая Россия перестанет быть объектом ненависти для всего человечества. По словам Гёте, «чтобы сад благоухал, каждая роза должна привести себя в порядок».

Таким образом, **сохранение, преобразование и спасение человеческой личности, человеческого рода (Родины и Человечества) и всего мира** составляют суть и основной смысл русской идеи.

Вопрос о спасении может возникнуть только при условии, что существует опасность гибели. **Русская идея спасения** родилась из острого осознания неизбежности смерти. Уязвленность смертью, которая перестает быть отдаленной возможностью, но становится ежечасной и жуткой реальностью, лежит в осно-

ве русского философствования. «Какой это ужас, что человек (вечный филолог) нашел слово для этого – “смерть”. Разве это возможно как-нибудь назвать? Разве оно имеет имя? Имя – уже определение, уже “что-то знаем”. Но ведь мы же об этом ничего не знаем»²⁰.

Из метафизического ужаса и глубокого экзистенциального переживания мысли о смерти в русском сознании, в свою очередь, возникла и идея ее духовного преодоления, а у некоторых мыслителей (например, у Н. Федорова и К. Циолковского) возникла мечта ее физического преодоления. По существу, **вопрос о смерти и ее преодолении** составляет центральную болевую точку и основное задание русской религиозной философии (русской идеи). Причем смерть здесь понимается в самом широком смысле слова как синоним всякого распада и разрушения, включая личностный, социокультурный и космический аспекты бытия.

Духовное преодоление смерти в русской философии осуществляется на путях синтеза, стремлением к всеединству. **Всеединство** – ключевое понятие и смысловое ядро философии Вл. Соловьева, многочисленных его учеников и последователей. Оно является родовым по отношению к ряду важных понятий (и, соответственно, проблем) русской религиозной философии: антроподицее, соборности, Богочеловечеству и др. Они представляют собой частные случаи всеединства и отражают какие-то его теоретические аспекты.

В **теодицее и антроподицее**, например, утверждается мысль о сосуществовании добра и зла в сердце человека. Для него весьма небезопасным в духовно-нравственном отношении является объективация зла, т.е. стремление искать его вовне, в других людях, обществе. Гораздо безопаснее находить зло в себе самом и бороться с ним в своем сердце.

Соборность представляет гармонический сплав индивидуальной свободы и человеческого братства. В учении о **Богочеловечестве** проводится идея о соразмерности и единстве Бога и

²⁰ Розанов В.В. Уединенное. – М., 1990. – С. 300.

человека, а человеческая история предстает как устремленность навстречу друг другу Бога и человека.

Русский космизм зиждется на идее единства человека и Вселенной, где человек выступает одновременно как микрокосм (будучи биосоциальным существом) и как макрокосм (являясь духовным существом, личностью). Пафос **софиологии** в утверждении единства Творца и тварного мира, а **русский Эрос** (философия любви в России) соединяет не только мужчину с женщиной, но и тело человека с его духом, а затем со всем мирозданием в целом.

Что касается «русского колорита» данных проблем, то он заключается в том, что духовное противоборство со смертью ведется мыслителями на путях критики и преодоления саморазрушительных тенденций в русском менталитете.

Русская чувствительность к злу и несправедливости, доведенная до крайности, порождает бунт против Бога и моралистическую нетерпимость к людям, действительным или мнимым носителям зла. Стремление к абсолютному добру, столь характерное для русского человека, часто оборачивается максималистским отрицанием морального и социального зла, стремлением утвердить Царство Божие на земле, что на практике приводит к обратному результату: тотальному господству зла и массовому насилию.

Соборность указывает срединный путь между индивидуализмом, готовым выродиться в своеволие, и коллективизмом, попирающим свободу личности. Соборность умеряет русскую жажду абсолютной, безграничной свободы в земной жизни, а тягу к справедливости освобождает от эгалитарных притязаний.

Учение о Богочеловечестве предупреждает нас о пагубности непомерных устремлений человека к переустройству мира по своим меркам. Человек, забывший Бога или возомнивший себя богом, невольно приближает мир к глобальной катастрофе, а следовательно, к концу истории.

Космическая устремленность русского сознания имеет положительную сторону, которая состоит в масштабности и глубине мышления, в метафизической одаренности. Отрицатель-

ная же сторона русского космизма проявляется в том, что человек, устремляясь в иные миры, часто отрывается от земли, от родной почвы, перестает ценить то, что находится рядом с ним. Утопические мечтания и русское прожектерство также питаются из этого источника.

Софиология помогает выработать духовное восприятие бытия, позволяющее увидеть за внешним несовершенством и кажущейся дисгармоничностью мира его красоту и Божественный смысл. Русский человек, нередко лишенный этого дара, не видит красоты мироздания и разрушает его, не утруждая себя попытками понять истинный смысл чего-либо, нередко порождает вокруг себя вопиющую бессмысленность и хаос.

Философия любви также снимает крайности нашего национального сознания, будь то ханжество или аморализм во взаимоотношениях полов. На наш взгляд, как та, так и другая тенденции в равной мере разрушительны для личности и общества. Философия русского эроса удачно сочетает в себе человечность с духовностью, возвышая тем самым человеческую личность, и только подлинная любовь является скрепляющим составом всеединства.

Обозначенные выше проблемы не исчерпывают всего многообразия тем, проблем и идей русской философии, но являются наиболее специфичными для нее.

Таким образом, *русская идея*, рассмотренная в этом аспекте своего содержания, может быть охарактеризована как **антиэнтропийная направленность русской философии**, которая есть **живое знание** о мире и человеке, поскольку противоборствует смерти. Она указывает путь истинного спасения и бессмертия человека и человечества. В этом заключается ее непреходящая ценность.

5.4. О двух типах философской культуры

Ф. Степун, вспоминая годы ученичества в Гейдельбергском университете, описывает, как однажды В. Виндельбанд на его

вопрос метафизического, смысложизненного характера отреагировал в том духе, что он имеет, конечно, свой ответ на него, но поскольку вопрос относится к сфере «частной метафизики» (читай: личного мировоззрения), то явно не может быть предметом семинарских занятий, которыми руководил маститый профессор²¹. Эта ситуация является очень симптоматической и фиксирует не просто различие между академической и неакадемической формой философствования, но заключает в себе нечто гораздо большее: различие между двумя типами философской культуры, которые сложились соответственно в Западной Европе и России.

Судьба самого Ф.А. Степуна свидетельствует о том, что между ними нет непроходимой границы: один и тот же философ может мыслить как в парадигме западной, так и в парадигме русской философии. Будучи одним из редакторов неокантиански ориентированного журнала «Логос», Ф.А. Степун впоследствии стал приверженцем русской религиозной философии. Более того, можно утверждать и то, что среди самих западных философов есть много таких, чей образ мышления и характер осмысляемых проблем и содержательно, и тематически очень близки русской философии. По нашему мнению, к таким мыслителям можно отнести, М. де Унамуно, В. Шубарта, Ж. Маритена, Р. Гвардини, Э. Мунье, К. Сублири, Р. Лаута, К. Гарднера и др.

Выделим несколько основополагающих моментов, по которым можно провести водораздел между двумя этими типами философской культуры.

1. Западная и русская религиозная философия могут быть разведены по **источнику философствования**. «*Боль жизни* гораздо могущественнее *интереса к жизни*, – писал В. Розанов. – Вот отчего религия всегда будет одолевать *философию*»²². Это высказывание позволяет ощутить разницу между западноевропейской рационалистической философией, движимой преимущественно интересом к жизни, и русской философией, скон-

²¹ Степун Ф.А. Бывшее и несбывшееся. – М.; СПб., 1995. – С. 81.

²² Розанов В.В. Уединенное // Соч. : в 2 т. – М., 1990. – Т. 2. – С. 204.

центрировавшей свои устремления на разрешение «вечных» вопросов, находящихся на стыке религиозного и философского мировоззрений.

Русское философствование является по преимуществу **экзистенциальным вопрошанием**, идущим из самых глубин человеческого существа, из сокрушенного сердца человека. Европейская же философия даже в тех течениях, которые принято называть иррационалистическими, очень часто остается во власти холодного рассудочного восприятия жизни. Как показывает история классической и современной философии, образ мысли и образ жизни западных мыслителей, как правило, не совпадают, особенно в критические периоды биографии, когда решается вопрос об их собственной жизни и смерти, а также ставится на карту судьба их научной, политической или художественной карьеры.

Как ни парадоксально, даже западноевропейский экзистенциализм в лице таких выдающихся мыслителей, как М. Хайдеггер, К. Ясперс, Ж.-П. Сартр, А. Камю, в своих теоретических основаниях остается преимущественно рационалистическим и решает проблемы по существу из области *виртуального* бытия человеческой экзистенции, нежели ее *действительного* бытия в мире. Русские же философы действительно мыслят **экзистенциально**, потому что они самой жизнью поставлены порой в невыносимые условия. Их философия не придумана, не примыслена, но выстрадана и рождена в муках социального, индивидуального и духовного бытия. Она неотделима от их реальной жизни, и многие русские философы в какой-то мере рисковали жизнью, а кое-кто и поплатился ею за свое философствование.

2. Западная и русская философские культуры отличаются друг от друга **техникой философствования**. Источник этого различия, с нашей точки зрения, необходимо усматривать в двух способах Богопознания, укоренившихся в лоне Западной и Восточной Церквей. На Западе утвердилось **катафатическое** богословие, которое неизбежно привело к рационализации веры, наиболее ярко проявившейся в средневековой схоластике. Последняя, в свою очередь, наложила глубокий отпечаток на

всю западную философию в целом, которую нельзя представить без четких логических формулировок, отточенности мысли и оптимизации языковых форм. Западноевропейская культура стремится к чистоте мысли и логической стройности философских теорий.

Русская же философия своими духовными корнями уходит в **апофатическое** богословие отцов Восточной Церкви и поэтому представляет собой вербализацию глубоко пережитого духовного опыта, опыта личного Богообщения и нерационального постижения высшей Божественной Истины. Проиллюстрируем данный тезис на примере решения проблемы теодицеи. Августин Блаженный и Лейбниц, давшие классические образцы теодицеи в западной мысли, предлагают в сущности рационалистические и умозрительные способы обоснования непричастности Бога к мировому злу. Иное дело – постановка и решение этой проблемы в русской философии. С.Л. Франк, рассуждая на эту тему в своем трактате «Непостижимое», написанном в традиции апофатического богословия, утверждал: *«Единственно возможное постижение зла есть его преодоление и погашение через сознание вины»*²³. Рациональная и отвлеченная теодицея невозможна; но живая теодицея, достигаемая не мыслью, а жизнью, *возможна* во всей своей непостижимости и трансрациональности». Деятельная любовь к Богу и людям, по мысли другого русского религиозного мыслителя П.Флоренского, полностью снимает вопрос об ответственности Бога за зло мира сего.

Таким образом, в отличие от рациональных теоретических построений, характерных для решения проблемы теодицеи в западноевропейской философии, русские мыслители предлагают различные варианты духовного преодоления зла, предполагающие глубокое преображение человеческой личности, включая и личность самого мыслителя. Западное философствование зиждется на интеллектуальных напряжениях: мысль философа обращена к реальностям земного бытия или воспаряет в трансцендентные сферы. Здесь философствует **мыслящий разум**. Рус-

²³ Франк С. Л. Соч. – М., 1990. – С. 548.

ское философствование есть собирание всех познавательных способностей в **сердце человека**, которое необходимо очистить духовно, чтобы постичь Истину. Здесь философствует цельная личность. Способ мышления западного философа технологичен, его можно уподобить четкой работе часового механизма, в котором все детали подогнаны друг к другу и работают бесперебойно, но время, безупречно фиксируемое часами, часто оказывается безучастным относительно событий человеческой жизни, поэтому те или иные философские теории никоим образом не соотносятся ни с реальной жизнью их творцов, ни с бытием конкретного человека. Техника русского философствования, напротив, органична и волнообразна, как волнообразно всякое подлинное общение: в нем приливы чередуются с отливами, а штиль (молчание) сменяется бурей и штормом.

3. Существенное различие между западной и русской философией обнаруживается также в **направленности вопрошаний**. Для **западной философии** более характерны **вопрошания об основаниях**, о причинах бытия, об его устройстве или методах его познания. Иначе говоря, европейская мысль по преимуществу обращена к началам бытия и познания. **Русская же философия** более **вопрошает о смысле** (бытия, истории, жизни, любви и т.д.), т.е. больше предпочитает размышлять о конечных судьбах мира, истории и человека. Она стремится предвосхитить итоги мировой истории и жизни человечества. Познание же итога человеческой жизни равносильно познанию Божественного замысла, в то время как конечный смысл всего сущего и средоточие всех смыслов – это Логос, т.е. Христос, Спаситель мира и человечества.

Таким образом, **вопрошания о смысле** имеют целью не только **постижение истины**, но и **обретение спасения**. Русская философия **сотериологична** (сотериология – учение о спасении). Западная же философия, начиная с Ф. Бэкона и Р. Декарта, пытается познать объективные законы бытия и познания. На этом делении западноевропейской и русской философии отчетливо проявляется влияние духовных традиций Западного и Восточного христианства. Западные христиане (католики и про-

тестанты) более торжественно празднуют Рождество Христово, а православные христиане – Пасху, Воскресение Христово.

4. Различие между западной и русской философскими культурами можно усмотреть и в понимании **предназначения философии**. К. Маркс, написавший в «Тезисах о Фейербахе», что «философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы *изменить* его»²⁴, по существу, обозначил две основные задачи западноевропейской философии. Первую (объяснительную) он приписывал всей предшествующей философии. Вторую (практическую) он связывал прежде всего со своим учением.

С нашей точки зрения, русские мыслители видели предназначение философии в том, чтобы **понять мир и принять его**, что невозможно **без преображения** человека, одухотворения его жизни на основе учения Христа. Они были противниками радикальных социальных преобразований без внутреннего изменения людей. Очень хорошо по этому поводу писал Вл. Соловьев: «Пока темная основа нашей природы, злая в своем исключительном эгоизме и безумная в своем стремлении осуществить этот эгоизм, все отнести к себе и все определить собою, – пока эта темная основа у нас налицо – не обращена, и этот первородный грех не сокрушен, до тех пор невозможно для нас никакое настоящее *дело*, и вопрос: *что делать?* – не имеет разумного смысла. Представьте себе толпу людей, слепых, глухих, увечных, бесноватых, и вдруг из этой толпы раздается вопрос: что делать? Единственный разумный здесь ответ: ищите исцеления; пока вы не исцелитесь, для вас нет дела; а пока вы выдаете себя за здоровых, для вас нет исцеления»²⁵.

Русские философы, по сути, вернули философии ее первоначальный смысл – любовь к мудрости, т.е. Софии. Любовь есть сердечное влечение к истине и, следовательно, пафос философии – эротический пафос. Особенно интересно в этом плане следующее суждение Н. Бердяева: «Как ужасно, что философия

²⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч.: в 50 т. – 2-е изд. – М., 1975. – Т. 3. – С. 4.

²⁵ Соловьев В.С. Три речи в память Достоевского // Соч.: в 2 т. – М., 1988. – Т. 2. – С. 311.

перестала быть объяснением в любви, утратила Эрос и потому превратилась в спор о словах. Религиозная философия всегда есть объяснение в любви, и слова ее не рационализированы, значение ее слов не номинальное. Какая ложь, что познание исчерпывается рациональными суждениями! Выражение любви есть изречение высшего и подлинного познания. Любовь к Богу и есть познание Бога, любовь к миру и есть познание мира, любовь к человеку и есть познание человека»²⁶.

Таковы, по нашему мнению, основные различия между двумя типами философской культуры, сложившимися в Европе. Какому из этих типов философской культуры отдать предпочтение? Это зависит не только от личного вкуса философа, но и от существа проблем, которые он исследует. С нашей точки зрения, неправомерно противопоставлять друг другу западноевропейскую и русскую философию. Они не исключают, но взаимно дополняют друг друга. Русская философия училась у своих европейских учителей, а западной философии также есть чему поучиться у русских мыслителей.

Литература

1. Гулыга А.Н. Русская идея и ее творцы. – М., 1995.
2. Зеньковский В.В. История русской философии: в 2 т. – М.; Ростов н/Д., 1999. – Т. 2.
3. Левицкий С.А. Очерки по истории русской философии. – М., 1996.
4. Лосский Н.О. История русской философии. – М., 1991.
5. О России и русской философской культуре / под ред. М. А. Маслина. – М., 1990.
6. Русская философия: словарь / под ред. М.А. Маслина. – М., 1995.
7. Сабиров В.Ш., Соина О.С. Идея спасения в русской философии. – СПб., 2010.

²⁶ Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества. – М., 1989. С. 83.